

**ДОЛГАЯ ДОРОГА В ИНКЕРИНМАА
ПАМЯТИ АРМАСА ИОСИФОВИЧА МИШИНА (15.02.1935–9.10.2018)**

THE LONG ROAD TO INKERINMAA
IN MEMORY OF ARMAS MISHIN (15.02.1935–9.10.2018)



9 октября ушёл из жизни народный поэт Карелии Армас Иосифович Мишин. Поэт, писавший на русском и финском языках, переводчик, исследователь–финно-угровед, просветитель.

Свои стихи на русском языке он подписывал именем Олег Мишин, стихи на финском — именем Армас Хийри. Слово «псевдоним» не любил. Говорил, что имя Алик (Олег) дали ему в детстве сибирские учителя, так как финское имя было для них непривычным. Так с тех пор и повелось: два языка — два имени.

Родился Армас Мишин в 1935 г. в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области на древней ингерманландской земле. Через шесть лет в страну вошла война и жестоко распорядилась судьбами миллионов людей. У него отняла детство и забрала здоровье, потому и видел впоследствии «Наркозные сны в госпитале инвалидов Отечественной войны». Взяла и не вернула отца. Украла малую родину и материнский язык.

Рок был к нам неласков.
Сталинский помнится жест:
род мой ингерманландский
согнан с родимых мест¹.

¹ Мишин О. Свет рябиновый. Петрозаводск, 1990. С. 103

В Великую Отечественную войну, как известно, ингерманландцы были эвакуированы без права возвращения на свои исконные земли. Семья будущего поэта оказалась в Омске, где он «забыл язык отцовский», первую и последнюю букву алфавита учился писать по-русски:

«А» старательно выводит
тонким прутиком на земле.
«А» он складывает из листьев,
«А» рисует на стекле².

По окончании войны семья Мишиных обосновалась в городе Пудоже, в русском районе Карело-Финской ССР, издревле славящимся своими сказителями и певуньями. Здесь Армас окончил семилетнюю школу и Пудожское педагогическое училище (1954). Продолжил образование в Петрозаводске, в Карельском педагогическом институте (1959), по окончании которого работал в вечерней школе учителем русского языка и литературы. Жизнь преимущественно среди русских людей, выбор профессии, казалось, способствовали его полной национальной переориентации, самоидентификации Мишина как русского поэта.

И он прижился на другой земле, обрёл другое имя и другой язык. Полюбил его настолько, что во сне к нему пришли русские стихи. Утром «строки записывал эти, как будто их кто диктовал». «Легкокрылый Пегас» был щедр к поэту: «надиктовал» ему 20 русских книг.

Действительно, его первые книги («В дорогу», 1961; «Голубая улица», 1963; «Бессонница», 1966; «Солнечный день», 1970) хорошо вписывались в русскую поэзию 1960-х гг. Даже говоря о его стихотворении «Родной язык», критика прежде всего подчёркивала, что «глубинно-национальное чувство становится интернациональным и общечеловеческим»³. Ни щемящее–грустная интонация стихотворения, поведавшего о завещании «позабытых предков», ни вкраплённые в текст слова на финском: *äiti, kotimaa* (мать–родина) — ничто не вызывало вопросов: где родина предков, почему они завещали поэту одно — родной язык, знает ли их потомок финскую речь...

Да и сам молодой лирик казался полностью погружённым в романтику буден. Мишин начал свой путь в поэзии как пролетарский поэт. Благодаря матери, работавшей в литейном цехе, он ощущал себя своим в рабочей среде, чувствовал поэзию труда. Именно труд даёт человеку ощущение полноты жизни, поэтому лирик сравнивает работу вагранщика с обязанностями виночерпия на пиру:

² *Его же*. Сопричастность. Петрозаводск, 1985. С. 151.

³ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 263.

Неторопливо и степенно
Всем наливает от души.
Как будто чаши с брагой пенной,
Стальные подняты ковши⁴.

Постепенно его поэтическая палитра обогащается новыми красками. Его герой предстает прежде всего в функции путешественника, взору которого открывается мир во всём его движении и многообразии. Мотив пути, сюжеты и образы путешествий становятся определяющими в лирике Мишина. Его герой путешествует на поезде зимой и летом: «Облепило снегом талым насыпи и виадук, Белые на черном шпалы в зиму новую ведут» («Облепило снегом талым»); «Косматый хвост откинув на ветру, сверканьем солнечным облит, состав товарный, зноем поднятый, вдали над рельсами летит» («Жара»). Пассажирские, товарные и рабочие поезда, дорога, рельсы, шпалы, вокзалы — всё становится предметом описания. Реже он путешествует на машине и пароходе, идёт пешком и скользит на лыжах. Тогда он смотрит в «Смотровое зеркальце», и на его поэтической карте появляются «Полевая дорога», «Лежневая дорога» и т. д.

Лирика Мишина, вписываясь в систему русской романтической поэзии 1960-х гг., имела свои отличительные черты. Русский человек выходит из дома на дорогу и возвращается из путешествия в отчий дом. Образ дома отсутствует в лирике Мишина, что указывает на особый статус его героя. Это — маргинальный человек, покинувший в войну дом детства и так и не обретший другой. Хотя дома (на Мге, на Водле, на Иртыше, в Петрозаводске) постоянно присутствуют в творчестве поэта, они являются не местом обитания, а остановкой в пути. Герой Мишина то находится на пути к дому, то покидает его. Уютнее всего, похоже, он чувствует себя на вокзале:

А на вокзале, как всегда,
дороги ожидание,
притягивают города,
притягивают расстояния⁵.

Маргинальный человек, как правило, очень тяжело, порой трагически, ощущает свою бездомность, неукоренённость, чего не скажешь о герое Мишина 1960–1970-х гг., который нашёл свое средство защиты от бездомности.

⁴ Мишин О. В дороге. Петрозаводск, 1961. С. 9–10.

⁵ *Его же*. Бессонница. Петрозаводск, 1966. С. 11.

Осознав значимость каждого мгновения в жизни, он делится с читателями впечатлениями о том, что он ощутил в таинственный миг встречи с природой — той опорой, которую никто у человека отнять не может.

Характерную для русской поэзии оппозицию «дом / дорога» в лирике Мишина сменяет оппозиция «бесперывное движение / запечатлённое (остановленное) мгновение». Очевидно, поэтому в дороге (да и в доме) для него важно окно, что закреплено в названии его стихотворений: «Из окна вагона»; «Проплывает за окном мой край»; «Ночной пейзаж из окна автобуса»; «За окном квартиры городской»; «Мы стоим у ночного окна»; «За окошком — весна». Воистину прав поэт, утверждая: «Мои окна смотрят в мир».

В постоянно меняющемся мире поэт стремится задержать, остановить мгновение, сказать ему: «Ты прекрасно!». Об этой черте лирики Мишина хорошо сказал критик А. Гидони, первый основательно проанализировавший его художественный мир: «... главная сила его пока что в лирике малых форм и камерного звучания. ...Полутонов... многообразных переходов света в тень — и наоборот; счастья в горечь — и обратно, реального быта — в поэзию, и поэзии — в реальность быта»⁶. Возможно, здесь сказался инстинкт самосохранения представителя малого народа, которому помогала выжить красота. Поэтому зло напоминает о себе в лирике Мишина исподволь. Оно обыденно, оно настолько стало частью человеческой жизни, что не только не всегда замечается, но даже слегка эстетизировано, потому особенно опасно:

Здесь войны катилась лава...
Из-под снега неспроста
проступает слева, справа
краснота болотной ржави,
словно кровь из-под бинта⁷.

Создаётся ощущение, что герой только констатирует существование болевых точек, порой неприглядное наступление человека на природу. Его позиция объясняется тем, что он верит в жизнеспособность природы, знает: она «сама себя спасет»⁸, пробиваясь «цветами и травой» сквозь сваленный на дороге шлак, заглушая «медовым ароматом» запахи мазута. В связи с последним А. Гидони писал: «Вряд ли так уж силен “аромат цветов”, чтобы заглушить все “мазутные запахи”, но поэт,

⁶ Гидони А. Изнутри озаренный мир: (О стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С. 122–123.

⁷ Мишин О. Тревожность. Петрозаводск, 1978. С. 29.

⁸ Резников А. Необходимость преодоления (Свет и тени лирики Олега Мишина) // Север. 1980. № 5. С. 111.

разумеется, вправе подчеркнуть свое мажорное восприятие житейских коллизий, свое ощущение победоносности красоты в ее столкновении с повседневностью»⁹.

Жизнь А. И. Мишина, казалось, навсегда определилась. У него выходит книга за книгой. Его заметила критика. В 1969 г. его творчеству уделяется внимание в «Очерке литературы советской Карелии», что, безусловно, являлось большой честью для молодого поэта. Завёл семью, обосновался в столице Карелии. Хотя Петрозаводск — русский город, но в отличие от Пудожя, в нём проживали и карелы и вепсы, здесь в те годы была большая финская диаспора: уцелевшие в годы сталинского террора и войны красные финны и иммигранты из США и Канады, его земляки-ингерманландцы. Из этой среды вышли талантливые музыканты и художники, и конечно, среди них были и поэты. Поскольку карельский язык в то время был бесписьменным, писатели–карелы тоже писали по-фински. На финском языке издавались газеты и книги, выходил литературно-художественный журнал «*Punalippu*». В городе работал Финский драматический театр, по республиканскому радио в течение дня не раз звучала финская речь.

Если среди молодых русских поэтов непререкаемым авторитетом пользовался уроженец Ленинграда Борис Андреевич Шмидт, ставший для многих из них наставником, а завоевывавшие столицу петрозаводчане Роберт Рождественский и рано ушедший из жизни Владимир Морозов были для них примером, то в кругу финноязычных поэтов Мишин обрёл учителя в лице Якова Васильевича Ругоева, выходца из рунопевческой калевальской земли. Образцом верности финскому языку, финскому стиху стал для него потомок красных финнов Тайсто Сумманен. У Мишина был русский друг поэт Иван Костин и друг поэт-финн Рейё Такала. Вместе с ним он стал вспоминать, заново осваивать материнский язык.

Родина все-таки в сердце жива,
тянет отечество силой земною.
Вечны родного наречья слова,
всюду с тобою они и со мною¹⁰.

Давным-давно заложенные ингерманландские семена стали прорасти в душе поэта и потянули за собой новую череду изменений: его стихи заговорили по-фински. По времени (конец 1960-х) это совпало с переменой рода деятельности, с новым этапом в творчестве А. И. Мишина: он вплотную занялся историей и культурой финно-угорских народов, поступил в аспирантуру по специальности «литература Финляндии» (1967–1970). Его научным руководителем был Эйно

⁹ Гидони А. Изнутри озаренный мир. С. 125.

¹⁰ Мишин О. Свет рябиновый. С. 101.

Генрихович Карху, известный учёный — финно-угровед. Финская литература открыла для молодого исследователя неисчерпаемый клад родного языка, позволила осмыслить специфику её национальной поэтической образности и характер стихосложения. В 1971 г. А. И. Мишин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэты левой группы “Клин” (“Кийла”) и их роль в развитии прогрессивной финской поэзии (1936–1946)» и продолжил свои научные изыскания: подготовил два раздела для «Истории литературы Финляндии» (1977) по шведоязычной литературе (основной исполнитель труда — Э. Г. Карху). Он решил открыть советскому читателю творчество шведоязычного поэта Финляндии Эльмера Диктониуса (1896–1961). Фигура, достойная внимания: в 1946 г. его имя стояло в ряду номинантов на Нобелевскую премию по литературе: М. Шолохова, Э. Хемингуэя, М. Андерсена-Нексе, А. Жида, Г. Гессе. Что значит изучить творчество Диктониуса? Это значит — за короткое время постичь ещё один язык. Открыть ещё один поэтический мир. Надо и описать его на языке филологических штудий, что и было сделано в монографии «Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии» (1987). Эта книга и по сей день является единственным в России капитальным трудом, посвящённым оригинальному поэту. Творчество Диктониуса не только было тщательно проанализировано А. И. Мишиным, но и представлено в социокультурном пространстве Финляндии и в широком контексте европейского искусства, прежде всего — скандинавского, немецкого и русского. Всерьёз заняться исследовательской деятельностью позволил переход на работу в Институт языка, литературы и истории Карело-Финского филиала СССР (ныне Карельского научного центра РАН), в котором Мишин проработал с 1970 до середины 1985 г.

Свою исследовательскую деятельность А. И. Мишин сочетал с литературной: продолжал писать стихи на русском языке, постепенно увеличивалось число текстов на финском. Это не автоперевод (хотя он прибегал и к нему), а самостоятельный раздел в его художественном творчестве: он учился думать, поэтически мыслить по-фински.

С 1976 по 1986 г. поэт издал три книги на финском языке: «*Ikkunani katso maailmaan*» («Мои окна смотрят в мир», 1976), «*Juuret avaruuteen*» («Врастать корнями в небо», 1980), «*Kotikyläni pääskyset*» («Ласточки моего дома», 1986). Освоив в сорок лет «забытый» язык предков и начав писать на нем стихи, Мишин, наконец, обрёл своё родовое имя Армас Хийри. В этих стихах он не может не обратиться к своему прошлому, что понятно, но его история имеет проекцию в будущее. Времена «связывает между собой память — категория, обладающая актуальным нравственным содержанием: без памяти человек не просто беззащитен и одинок, — он перестает

быть самим собой “*Lapsuuteni*” (“Детство”, 1976), “*Muistaako puu lapsuutensa?..*” (“Помнит ли дерево свое детство?..”, 1976))¹¹. Как и в своей русской лирике, поэт по преимуществу в светлых красках описывает северную природу. Однако на финском языке традиционная тема зазвучала по-новому. Поэт, работая на финском языке, перешёл к новой форме лирического выражения — к верлибру. Эта форма была новой и непривычной для финноязычных поэтов, поэтому поначалу вызвала их резкое неприятие, что не остановило Мишина. Возможно, он стал использовать её одним из первых, потому что благодаря погружению в лирику Диктониуса познал специфику данной формы стиха и как поэт, и как читатель. В известной степени, можно согласиться с определением Э. Л. Алто, что «произведение традиционной лирики есть *результат* познания окружающей действительности», а «произведение модернистское, в том числе и стихотворение, написанное в свободных ритмах, это *процесс* познания действительности (читатель должен искать, постигать скрытую смысловую связь слов)»¹². Исследовательница находит, что обращение к свободному стиху для Мишина и его единомышленников (например, для Катри Корвела), «стало проявлением протеста против ортодоксальных стереотипов восприятия реальности, скрытой формой отвержения догм социалистического реализма»¹³.

Как ни углублялся Армас Хийри в финскую лирику, он не смог вытеснить Олега Мишина. Поэт стал билингом. Вместе с Рейё Такала они стали зачинателями нового, билингвального, контекста в литературе Карелии, который позднее впервые сам А. И. Мишин и опишет¹⁴. Его аналитический опыт не пропал бесследно: в настоящее время проблемы билингвизма в литературе Карелии и конкретно билингвальная поэзия А. И. Мишина стали объектом изучения в работах М. В. Казаковой.

Поэт-билингв, как правило, — хороший переводчик. Хотя А. И. Мишин и ранее занимался этим родом деятельности¹⁵: переводил на русский язык стихи финноязычных поэтов Карелии и Финляндии, но благодаря общению в ИЯЛИ с замечательными фольклористами, его работа получила новый импульс: он начал углубленно изучать ингерманландский, ижорский и карельский фольклор. В результате он в 1980-е годы перевёл и подготовил к публикации сборник лирических и эпических песен выдающейся ижорско–ингерманландской

¹¹ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии: История литературы Карелии 2. СПб., 1997. С. 164.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Там же.

¹⁴ История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 361–370

¹⁵ Свои первые переводы с русского на финский О. Мишин представил в книге стихов «В дорогу» (1961).

сказительницы Ларин Параске «Тростниковая свирель» (1986), а в 1990-е гг. совместно с фольклористом, к. филол. н. Э. С. Киуру решился на смелый шаг: сделал новый перевод «Калеваль». Толчком стал перевод избранных рун «Калеваль», выполненный двумя русскими поэтами А. Титовым и М. Тарасовым, а также писавшим на финском языке поэтом-карелом Н. Лайне и исследовательницей эпоса А. Хурмеваара. Не входя в подробности, скажем, что они стремились предельно приблизить древний текст к современному читателю и достигли этого, но, как считали специалисты, ценой ряда потерь. В числе критиков были и А. И. Мишин с Э. С. Киуру. В ответ на замечания они не раз и не два слышали: сделайте свой перевод. Разумеется, не только подобные реплики, но и накопленный к тому времени багаж: знание народных рун и других фольклорных жанров, знакомство с обширной, если иметь в виду финляндскую науку, литературой вопроса, с теорией и практикой перевода, собственный переводческий и стихотворный опыт — всё это вкупе и побудило их принять решение. В 1995 г. они представили перевод канонической версии, а впоследствии первыми в России перевели и другие версии «Калеваль», вышедшие из-под пера Элиаса Лённрота. В роли «спутников» нового перевода эпоса выступили аналитические работы и адаптации основного текста для детей. Так, А. И. Мишин опубликовал научно-популярную книгу для старшеклассников «Путешествие в “Калевалу”» (1988) и составил адаптированную для детского чтения композицию из «Калеваль» «Сампо» (1985). Кроме того, по мотивам «Калеваль» он написал пьесу для детей «Стрела девы Похьель» (1985). А Э. С. Киуру подготовил (самостоятельно и в соавторстве) три академических издания ингерманландских песен (1974, 1985, 1990) и две монографии, посвящённые изучению фольклорных истоков «Калеваль» (1990, 1993; вторая — в соавторстве с А. И. Мишиным).

Как явствует из перечисленного, всё это не могло не отразиться на качестве перевода: соавторам удалось войти в эпический мир и донести его пафос до читателей. Несмотря на исключительно бережное отношение к первоисточнику, они тем не менее не избежали весьма суровой критики в связи с тем, что посчитали Элиаса Лённрота полновластным создателем текста и назвали «Калевалу» поэмой¹⁶. Безусловно, можно не соглашаться с переводчиками в деталях, но в целом они проделали большую работу, выполнили её на достойном уровне, что и было оценено авторитетными специалистами.

В 1985 г. А. И. Мишин ушел из Института не на «вольные хлеба», а на работу в правление Карельского отделения Союза советских писателей на должность

¹⁶ «Покажите путь на берег, выведите в мир прекрасный»: обсуждение нового перевода «Калеваль» на секции критики Союза писателей Карелии // «Север». 1996. № 5–6. С. 126–38

заместителя председателя Союза (которым был Я. В. Ругоев). В 1990 г. А. И. Мишин был избран на должность председателя Карельского регионального отделения Союза писателей России и исполнял её по 2004 г. включительно. Насколько сложна была жизнь писателей в момент распада Советского Союза (и единого Союза советских писателей) и начала формирования новых государственных и общественных структур Российской Федерации, он поведал сам в статье «Литература Карелии в 1990–1994 гг.»¹⁷. Отсылая читателей к этой работе, всё же не можем не сказать о просветительской деятельности А. И. Мишина. В трудные годы, когда людям в общем-то было не до стихов, они с И. А. Костиным и группой преподавателей Института усовершенствования учителей в течение примерно полутора десятилетия почти ежемесячно проводили литературные вечера, посвящённые карельским писателям, русским и зарубежным классикам. В газете «*Karjalan Sanomat*» Мишин вёл новостную литературную рубрику. Безусловно, постоянное общение писателей и читателей было полезно обеим сторонам.

Середина 1980-х гг. стала для Карелии началом национального ренессанса: именно в это время были изданы учебники для обучающихся карельскому и вепсскому языкам, появились первые литературные произведения на новописьменных языках. Трудно переоценить вклад А. И. Мишина в становление литературы на трёх диалектах карельского и на вепсском. Кто, как не он, хорошо понимал, насколько важно писать на родном языке, поэтому поддерживал начинающих писателей. Консультировал их, представлял книги новых авторов читателям, писал рецензии, обзорные статьи. Вместе с поэтом А. Л. Волковым они подготовили первый сборник «*Omil pordabil*» («У родного крыльца», 1999), в который вошли стихи и рассказы, написанные на трёх диалектах карельского языка. Далее последовали совместно подготовленные сборник «*Karjalan pagin*» («Карельская речь», 2005) и сборник стихов финно-угорских поэтов в переводах на финский, карельский и вепсский языки «*Jagras Balotonsab / Jagrasta Balotonille*» («От Югры до Балатона», 2006). Не будь поддержки мужа, вряд ли в карельской литературе появилось бы имя детской писательницы-карелки Ольги Фёдоровны Мишиной.

Как ни велика роль А. И. Мишина в общественной жизни республики и в финно-угорском сообществе России (здесь представлена только малая толика его письменных работ и устных выступлений), всё же основным делом его жизни была поэзия. До самых последних дней своих он писал стихи. Сами названия его сборников «На российском ветру» (2000) и «Сквозь ливни и метели» (2004) говорят, насколько значимой для него стала гражданская лирика. Но не были им забыты пейзажная и любовная лирика. Увеличилось число персонажей в его стихотворной

¹⁷ Мишин А. И. Литература Карелии в 1990-1994 гг. // Эйно Карху — Человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск, 2013. С.119–125.

«портретной галерее». А. И. Мишин также заявил о себе и как автор философских стихов. Если ранее, даже в своих финских сборниках, его герой, вспоминая об утраченной родине предков, тем не менее не называл себя ингерманландцем, то в 1995 г. появляется сборник *«Inkeriläisen laulu»* / «Песнь ингерманландца», куда вошли русские и финские стихи А. И. Мишина. Если в его первых сборниках финноязычной лирики ощущалось «осознание культурной неприкаянности, маргинальности»¹⁸, то судя по этой книге, процесс этнического самоопределения и национального самосознания автора-героя завершился. Появляется вера в будущее своего народа, поэтому название его сборника на финском языке звучит вполне оптимистично: *«Sillä aikaa kunsivet kasvavat»* («Время, когда вырастают крылья», 2000). Если в эпоху стабильности лирический герой А. И. Мишина являл собой тип путешественника–скитальца, то теперь он обретает дом, о чем свидетельствует поэма *«Karjalainen talo»* («Карельский дом»). Это и родовой дом его жены-карелки, ставший его домом, и домом *его* России. И конечно, неизменно в его стихах присутствует образ главной дороги его жизни: «Вся моя жизнь — возвращение на родину...»

На карельской земле А. И. Мишин состоялся как поэт, как гражданин. Вместе с поэтом И. А. Костиным и композитором А. С. Белобородовым он стал автором гимна Республики Карелии. Деятельность А. И. Мишина оценена по заслугам: он — заслуженный работник культуры Карелии и России (1985, 1999), лауреат Государственной премии Карелии имени Архипа Перттунена (1986), лауреат литературно-художественной премии Главы Республики Карелия и «Сампо» (1999, 2007). Награждён орденом Дружбы (2005). В 2011 г. ему было присвоено почётное звание «Народный писатель Карелии».

Прощаясь с поэтом, хочется напомнить звучащие как признание в любви к Родине, как завещание строки:

Гори, гори, не угасай,
пылай святым огнем,
живи в душе, родимый край,
с рябиной за окном¹⁹.

И пусть этот свет рябиновый освещает Вам, Армас Иосифович, путь в мире ином... Вечная память...

Е. И. Маркова

¹⁸ Алто Э. А. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1991. С. 22.

¹⁹ Мишин О. Свет рябиновый. С.99.